

Содержание

Июнь

13

Октябрь, ноябрь

81

Ноябрь

159

Римини
и Кл удио К иц ниге
(1980-2020)

Я живу тем, чего другие во мне не видят.

ПЕТЕР ХАНДКЕ

Июнь

Его звонок застает меня в супермаркете. Говорю “привет”, он откашливается, но в ответ ни слова. По слухам, гоняет ночами на своей “рено-пятерке”.

Спрашиваю, как дела.

— Прости, что беспокою, — говорит.

— Да брось.

Он затягивается сигаретой.

— Заплатили тебе в итоге?

— Пока нет.

Мы молчим — я так в детстве смотрел, как он чинит розетку, дверцу буфета, водосток на заднем дворе. На его легкие пальцы.

Потом говорю, что собираюсь в гости.

— В самом деле приедешь?

— У тебя же день рождения.

— А с работой что?

— Разберусь.

Через пять дней я в Римини. Жалюзи в доме опущены, дверь гаража нараспашку. Он, в своей вечной панаме, копается в помидорах.

— Привет, — отрывается от грядки, лицо блестит от пота. — В пробке стоял?

— Не, обошлось.

Проходя мимо, пытается перехватить у меня сумку, я уклоняюсь. Следую за ним в нижние комнаты, но в коридоре останавливаюсь. Только тогда он понимает, что спать я собрался наверху.

Поднимаю жалюзи в спальне, и лучи солнца, взметнув мелкую пыль, заливают стеллаж с альбомами футбольных карточек “Панини”. Вижу в окно “рено-пятерку”, на которой он ездит уже двадцать семь лет. Диск погнут, на бампере потертости. Дон Паоло звонил мне в Милан предупредить, что отца опять до самого рассвета не было дома, пахнет неприятностями.

— Да какие там неприятности...

— В баре говорят, что он приходит туда уже затемно, лицо перекошено... Ну, ты своего отца знаешь...

— Поговори с ним.

— Сам говори, Сандро.

Потом отец приносит наволочки и прочее. Заправляем постель, основательно встряхнув простыню, как это всегда делала она. Наши движения неторопливы и точны, а когда заканчиваем, он тотчас выходит из комнаты и удаляется на кухню.

Шарит по ящикам, гремит посудой, чем-то

шумно хрустит. Заглянув, вижу: стоит на цыпочках на стуле, в консервах роется. Пузо наел.

Бесшумно, стрекозой спорхнув на пол, идет к плите, включает газ. Невестя откуда достает спичку, чиркает, головка вспыхивает: Нандо, стрелок с Дикого Запада.

Чуть позже выхожу привычным маршрутом. Пешочком по виа Маджеллано, по Ина Каза — кварталу социального жилья с его узкими улочками, где, прильнув к окнам, ждут наступления июня. Желанный июнь приходит, а с ним и толпы понаехавших на открытие сезона, и радостное предвкушение, которым мы так томимся вдали от моря.

До парка, чтобы стряхнуть с себя последние остатки Милана, иду, как всегда, мимо начальной школы, а потом срезаю двором подковообразного здания. К финишной прямой у бара “Дзета” ботинки уже окончательно запылились, а Север выветрился из головы: меня ждут молодые артишоки под соусом из тунца. Кто-то здоровается, кто-то шепчет: это ж сынок Пальярани.

Когда я возвращаюсь, в доме вкусно пахнет, но на кухне никого нет. Он торчит в моей комнате, проверяет москитную сетку. Кивает: порядок, мол, — и уходит. Успел выгрести все из тумбочки, прибрался на письменном столе. Сумка так и валяется на полу, но молния на сей раз расстегнута где-то на треть.

Ужинать садимся ровно в половине восьмого, но сперва он интересуется, погасил ли я свет. Какой еще свет? Да в комнате, откуда вышел. Совсем